

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.75>

Рупышева Людмила Эрдэмовна

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ-ФИТОНИМОМ

Статья посвящена анализу фразеологических единиц бурятского языка с компонентом-фитонимом с точки зрения выяснения их национально-культурной специфики. В работе показано, что они представляют выражения, разные по своему составу и экспрессивности. Автор уделяет внимание оценочной коннотации рассматриваемых единиц, где отражается знание стереотипов и моделей поведения человека в обществе, а также ценностей, норм морали, житейских истин и ситуаций. Во фразеологии аккумулирована богатая и самобытная информация о культуре и менталитете народа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/6/75.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 6. С. 356-359. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.512.31

Дата поступления рукописи: 13.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.6.75>

Статья посвящена анализу фразеологических единиц бурятского языка с компонентом-фитонимом с точки зрения выяснения их национально-культурной специфики. В работе показано, что они представляют выражения, разные по своему составу и экспрессивности. Автор уделяет внимание оценочной коннотации рассматриваемых единиц, где отражается знание стереотипов и моделей поведения человека в обществе, а также ценностей, норм морали, житейских истин и ситуаций. Во фразеологии аккумулирована богатая и самобытная информация о культуре и менталитете народа.

Ключевые слова и фразы: бурятский язык; компонент-фитоним; национально-культурная специфика фразеологизма; образ-эталон; фразеологическая единица.

Рупышева Людмила Эрдэмовна, к. филол. н.

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ

rupysheva71@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ-ФИТОНИМОМ

Процесс глобализации, связанный с совершенствованием информационно-коммуникационных технологий, культурной интеграцией и унификацией, привел к исчезновению многих самобытных культур и языков. В стремлении познать духовные истоки народа и сохранить культурное наследие с вековыми самобытными традициями исследователи занимаются вопросами языковой идентичности, взаимодействия языка и культуры. **Актуальность** данной тематики определяется ее включенностью в круг исследований языковой концептуализации и категоризации мира, национальной специфики отражения фразеологических единиц (далее – ФЕ) с компонентом-фитонимом, их репрезентации в языке. Вопрос фитонимического кода культуры во ФЕ бурятского языка до настоящего времени не являлся объектом специального изучения.

Фразеологический фонд языка неотъемлемо связан с культурой того или иного народа и отображает национально-специфичные представления и образы. В них воплощены дух, психология и способ мышления, что наложило свой отпечаток на смысловую, содержательную сторону указанных единиц, в основе которых лежат образы, специфичные для того или иного языка [24].

Согласно В. Н. Телия [Цит. по: 21, с. 215], система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, «служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения... свидетельствует о культурно-национальном опыте и традициях».

Специфике фразеологических единиц посвящены языковедческие исследования В. А. Масловой [12], М. Л. Ковшовой [11], Т. Б. Тагаровой [19; 20], Т. В. Шмелевой [23] и др.

Фразеологизмы с компонентом-фитонимом фрагментарно можно найти в общих работах по фразеологии, диалектологии бурятского языка. Отдельные аспекты фитонимической лексики бурятского языка рассматриваются в работах Ц. Б. Будаева [5], Д. Г. Дамдинова [8], Л. Э. Рупышевой [16], Н. Поппе (N. Poppe) [25] и др.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые изучена структура фразеологических единиц с компонентом-фитонимом, определена национально-культурная специфика данных единиц, выделены особенности и частотность их употребления в бурятском языке.

Цель данной статьи заключается в выявлении национально-культурной специфики ФЕ с компонентом-фитонимом в бурятском языке. Для достижения поставленной цели мы определили следующие **задачи**: выявить основные параметры мировосприятия, самобытные традиции, культурно-национальные черты; определить состав и частотность употребления ФЕ с компонентом-фитонимом; рассмотреть оценочную коннотацию рассматриваемых единиц, рефлексирующих стереотипы и модели поведения человека в обществе, ценности, нормы морали, житейские истины и ситуации.

Фактический материал был извлечен из различных словарей, научной литературы и художественных произведений. На начальном этапе исследования были отобраны ФЕ с компонентом-фитонимом. Затем проведен интерпретационный анализ с целью выяснения национально-культурной специфики. Особое внимание было уделено оценочной коннотации рассматриваемых единиц.

Природа, географическое положение региона в культуре бурятского народа играют важную роль и находят свое отражение в ряде фразеологических единиц, рассматриваемых ниже.

Ой, модон, тайга, хангай газар (лес, дерево) занимает в Бурятии обширную территорию и является источником, обеспечивающим население пропитанием и топливом. По мнению М. М. Содномпиловой [18, с. 206], лес ассоциируется в представлениях бурят с образом чужого и внушающего страх мира: в лесу живут чуждые этносы, в частности, эвенки и русские, которые одновременно рассматриваются и как его порождение. Данные фитонимы являются наиболее продуктивными по частотности. Старинная пословица гласит: *Ой модон үндэртэй – набартай, олон зон хайтай муутай.* / Букв. ‘В лесу деревья встречаются высокие и низкие, люди встречаются хорошие и плохие’. Данная пословица отождествляет людей с деревьями.

Образ леса неотделим от образа дерева, которое является сакральным, родовым, почитаемым. В картине мира ФЕ с компонентом-фитонимом *модон* отражают особенности характера человека с положительной коннотацией, например: *Сэхэ модоной хүүдэр сэхэ, сэхэ хүнэй сэдхэл сэхэ.* / ‘У прямого дерева – прямая тень, у прямого человека – прямодушный характер’ [22, с. 76]; *Үнэн хүндэ нүхэр олон, үрэтэ модондо намаа олон.* / ‘У честного человека много друзей, у плодового дерева много листьев’ [Там же, с. 98].

Отрицательная коннотация представлена в пословице: *Мууһаа муу гараха, модонһоо хөө гараха.* / Букв. ‘От плохого появляется плохой, от дерева – сажа’ [Там же, с. 58]. Вероятно, происхождение данной пословицы продиктовано жизненным опытом, пристальными и глубокими наблюдениями за жизнью односельчан; *муу мэхэтэй, модон голтой* (‘вероломный, бездушный’, букв. ‘плохой обманщик, с деревянной душой’), ср.: *мэхэтэ муухай* (‘коварный’) [Там же]; *модон толгойтой* (‘тупоголовый’, букв. ‘с деревянной головой’); *модон үмхирхэн* (‘трухлявый пенёк’, ассоциируется со старым или слабым, безвольным человеком); *нойтон (модон) мунса* (‘дубина стоеросовая’, сравнивается с болваном, дураком, букв. ‘мокрая деревянная колотушка’) [20, с. 64]. *Хара Арсаланай тэрэ үбэштэй шалхагар, нойтон мунса Жамбалда ошобоб гэжэ, тэдэнэрэй зараса болонхаар, үхөө наам дээрэ* [7, н. 224]! / ‘Чем идти за дубину стоеросовую, дурака, жирного Жамбала, сына черного Арсалана, и стать их служанкой, лучше умереть!’

Примером, изобличающим двуличие человека, является фразеологизм *модон мунса: хайнда хайбар жоороо, мууда модон мунса* (‘перед хорошим человеком – малой иноходью, перед плохим – деревянной колотушкой’) [9, с. 73]. В дисфенистических выражениях нейтрально окрашенные названия явлений действительности заменяются вульгарными, грубыми словами.

В ФЕ с компонентом-фитонимом выявляются этические установки: *модо шулуу мүргэжэ бүү ябаа* (‘не беги сломя голову’, букв. ‘не беги, бодая дерево, камень’) [22, с. 56]; *модото газарта муу үгэ бү хэлэ* (‘у стен есть уши’, букв. ‘на месте, где есть деревья, плохие слова не говори’) [Там же, с. 57]. Пословицы имеют значение совета, предупреждения.

ФЕ рассматривают особенности речевого поведения, характеризующие болтливость и бессодержательный разговор: *хуурай модон жэмэсгүй, хооһон үгэ туһагүй* (‘бесплодно дерево сухое, нет пользы в пустословии’).

Хайлаһан (вяз). *Зун ургаагүй хайлаһан убэл ургаба.* / ‘Шесть вязов не росли летом, а выросли зимой’ [4, с. 78]. Образ вяза возник, вероятно, потому, что лексема *хайлаһан* имеет устойчивую коннотацию ‘растаявший’, которая имеет четкую мотивационную связь: ‘растаявший’ обеспечивает ассоциирование с растворением, исчезновением предмета.

Нарһан (сосна). *Сэрэг нарһан* (‘название Соснового бора (Агинский национальный округ)’, букв. ‘войско, сосна’). Историко-этимологическое толкование ФЕ, маркированное национально-культурной спецификой, имеет военное происхождение (1772-1852). В степном равнинном пространстве сосновый бор издали напоминает конницу бурятского богатыря Бабжа-Бараса, который напугал маньчжурских захватчиков. Иноземные враги, увидев издали тот лес, подумали, что их противник имеет многочисленную армию, и быстро отступили [22, с. 71-72].

Нөөг (куст). *Нүри һөөг* (‘очень много’, букв. ‘стог, куст’) [Там же, с. 130]. Это выражение связано с заготовкой сена. Возможно, стога заготовленного сена на сенокосных угодьях издали напоминали кусты, и их было так много, что впоследствии это значение закрепилось в языке и сознании.

Хүн үбһэн (женьшень). *Орхоодээн өндөһөн хүүн зангаар гартаэ; хөлтээ баэдагем, малтаад гаргахада хүүн зангаар дуугархыма.* / ‘Корень орхоеды (женьшенья), подобно человеку, имеет руки и ноги. Когда выкопашешь, подобно человеку, издает звуки’ [10, с. 26]. Бур. *орхоодой, ноен орхоодой* (‘женьшень’, букв. ‘быть громоздким, начальник-трава’). Сопоставление растения с человеком, имеющим руки и ноги, основывается на сходстве корня растения с формой человека. Кроме того, растение, издающее звуки, накладывает свой отпечаток на возникновение наименования. Человек представлен как источник образной интерпретации в аспекте социального статуса. Это растение занимает весомое место в жизни человека, ему приписывали свойство исцелять болезни, вселять жизнь в умирающего человека. Недаром его называли ‘корнем жизни’, ‘чудом мира’, ‘ударом бессмертия’.

Носоргоно (репейник). *Нобшо татадаг носоргоно нохойн хүүлдэ аһалдана.* / ‘Репейник, собирающий всякий хлам, прикрепляется и к хвосту собаки’. В известной поговорке *носоргоно* ‘репейник’ характеризует придиричивого человека [6, с. 348]. Отождествление человека, задевающего всех своими придириками, с травянистым растением – репейником, имеющим на плодах цепкие щетинки, основывается на сходстве функции плодов репейника с прилипчивостью человека.

Набиша (лист). *Шара набишын халуун* (‘бабье лето’, букв. ‘желтого листа жара’) [22, с. 129]. Чудесную пору, когда есть еще желтые увядающие листья на деревьях, погожие, теплые, осенние деньки после кратковременного похолодания, называют «бабьим летом».

Обеос (овес), *шэниисэ* (пшеница). «*Обеос тарихада, шэниисэ ургадаггүй*», – гэжэ доктор Аюуша хэлэдэг бишуу! *Ломбын шуһан ашынь һудаһан соогуур дугшажа байгаал бэээ* [2, н. 187]... / ‘И в кого ты только такая упрямая уродилась? Известно в кого, – проворчал отец, – в папашу своего, в Ломбо! Как это говорится: «Когда сеешь овес, пшеница не вырастет». Погоди, вырастет – она им покажет характер!» [1, с. 125]. В отрывке раскрывается наследственность человека через призму вегетативного кода бурятской культуры. Метафора опирается на народном знании того, что от менее ценной кормовой культуры более ценную продовольственную не получить.

Хартаабха (картофель) является одним из важных продуктов в питании предбайкальских бурят [3, с. 37]. Фитоним имплицитно указывает на наследственность: *хартаабхаһаа хартаабха хатараа* ('яблоко от яблока недалеко падает', букв. 'от картофеля родится картофель'). При сопоставлении с русским языком значение и форма фразеологизма неодинаковы. В бурятском языке осмысление яблока связано с картофелем, причина таких разных образов, может быть, кроется в различии флоры и климата.

Источником культурно-национальной интерпретации является система образов-эталонов, запечатленных в устойчивых сравнениях, представленных ниже.

Жэмэс (ягода, яблоко) встречается во фразеологизмах и является символом любви, молодости, красоты. В русском языке употребляется гипероним *ягода* в таких выражениях, как «девка-ягода», «в сорок пять баба – ягодка опять» и т.д. – для характеристики здоровой, ухоженной и привлекательной женщины. Для обозначения красивой, эффектной женщины буряты используют ФЕ: *алим жэмэс шэнги* (букв. 'как яблоко, ягодка'). К основным модулям сравнения – красивая, свежая, молодая добавляются семы «розово-красные щеки», «с легким румянцем», «белые, как раковина моллюска, зубы», которые вызывают ассоциации с молодостью и здоровьем. Это подтверждается материалами Национального корпуса бурятского языка: *Дун сагаахан шүдэтэй, алим жэмэс шэнги ягаа улаахан хасартай басаган, – гэжэ Гомбо-Доржо бахатайгаар харюусаба* [15]. / С белыми, как раковина моллюска, зубами, с похожими на яблоки розовенькими щеками девушка, – восхищенно ответил Гомбо-Доржо.

Мойһон (черемуха). Эталон в бурятской лингвокультуре является ягода черемухи. Красивые глаза бурятки ассоциируются с черемухой *мойһон хара нюдэтэй* ('черноглазая', букв. 'черные глаза, как у черемухи') [22, с. 57]. В татарском языке *шомырт* 'черемуха' ассоциируется у представителей лингвокультуры с черным цветом (глаз, волос), экстенсивно – с молодостью [17].

Тиигээд мүнөө халаглажа байна гуш? – гээд, Дулма мойһон харахан нюдөө анишган хураба [13, н. 14]. / 'Теперь жалеешь? – спросила девушка, прищурив глаза, похожие на влажные ягоды черемухи' [14, с. 10].

Мойһон харахан нюдэниинь юунтэйшье сасуулиагүй найхан... Шүүдэртэ угаагдаад, наранда ялалзан хоёр монсогорхон хара мойһондол... Сагаахан нюурынь, зөөлэхэн хасарайнь хонхорхойнууд жэгтэй зохидхон [13, н. 341]. / 'Она была в белом, одни глаза оставались черными... А может, это были и не глаза... Просто две большие спелые ягоды с черемухи, что росла возле школы' [14, с. 183].

Улаан бургааһан (ива). Во фразеологизме *ургажа ябаһан улаан бургааһан мэтэ* [22, с. 88] (букв. 'как красная лоза, которая растет') отмечается гибкость и статность хорошо сложенного человека. Фразеологизм имеет положительную коннотацию, выраженную словосочетанием с фитонимом *улаан бургааһан* ('красная лоза') посредством сравнительного союза *мэтэ* ('как').

Дулма хураггүй ондоо даа, улаан бургааһан мэтэ наришхан, залуухан хуһан мэтэ үндэрхэн, түхэрээхэн сагаан нюуртай, сэбэрхэн басаган болошоо [13, н. 16]. / 'Повзрослели оба, и Дугару стало казаться, что Дулма, гибкая, как стебель речной ивы, высокая, с нежным круглым лицом, нарочно сжимает плотно-плотно пухлые губы при встрече с ним и равнодушно щурит глаза' [14, с. 11].

Шэнэһэн (лиственница). *Бартаагайнгаа шэнэһэн бүдүүн баханануудай хоорондо набтархан шицраг бзэтэй юумэ хээээшье, ямаршье юумэндэ дилдэхэ дабагдахагүй мэтээр харагдаба* [2, н. 33]. / 'Приземистый и плотный, он казался таким же прочным и непреступным, как столбы из мощной лиственницы, меж которыми он стоял' [1, с. 34]. В отрывке художественного произведения сложение человека вызывает ассоциации со стволом лиственницы, имеющей твердую древесину. Прочность древесной породы определяет мотив 'качественный', входящий в мотивационную доминанту 'мощный, плотный'.

Итак, ФЕ с компонентом-фитонимом представляют выражения, разные по своему составу и экспрессивности. Они включают в себя субстантивные, адъективные, глагольные, адвербиальные словосочетания.

Флористические сравнения единичны, в них используются следующие сравнительные союзы: *шэнги* «словно, вроде, точно», *мэтэ* «как». Фитонимы передают в основном биоформы растения: плод, дерево, трава; названий растений с устойчивыми сравнениями-эталонами оказалось очень мало.

На уровне значений ФЕ отражается знание стереотипов и моделей поведения человека в обществе, ценностей, норм морали, житейских истин и ситуаций.

При номинации ФЕ прослеживается региональная маркированность, отсылающая к тем реалиям, которые произрастают на данной территории (*носоргоно, мойһон, улаан бургааһан, шэнэһэн, хайлааһан, нарһан, хүн үбһэн*). Привлекаются обозначения сельскохозяйственных культур (*обеос, шэниисэ, хартаабха*).

Анализ исследуемых бурятских ФЕ с компонентом-фитонимом показал, что фразеологизмы отражают материальную, социальную и духовную жизнь народа, выявляются основные параметры мировосприятия, самобытные традиции, культурно-национальные черты.

Во ФЕ аккумулирована богатая и самобытная информация о культуре и менталитете народа: мифы, легенды, обычаи, традиции, паремии, содержащие в себе сведения об исторических событиях.

Список источников

1. Ангархаев А. Вечный цвет: роман / пер. с бурят. И. Булгаковой, Н. Очирова. М.: Современник, 1988. 334 с.
2. Ангархаев А. Мүнхэ ногоон хасуури: роман / ред. В. Б. Намсараев. Улаан-Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1982. 368 н.
3. Бадмаев А. А. Система питания предбайкальских бурят первой половины XIX века // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 36-38.

4. Бардамова Е. А. Модели времени в бурятской языковой картине мира // Вестник Забайкальского государственного университета. 2008. № 6. С. 77-82.
5. Будаев Ц. Б. О флористической терминологии (на материалах бурятского, монгольского и калмыцкого языков) // Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Серия «Востоковедение». Вып. 3. С. 80-88.
6. Бурят-монгольско-русский словарь (БМРС) / сост. К. М. Черемисов; под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева; Бурят-монгол. гос. науч.-исслед. ин-т культуры. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.
7. Галанов Ц. Р. Мүнхэ зула: шэлэгдэмэл зохоолнууд. Улан-Удэ: Буряад үнэн, 2002. 493 н.
8. Дамдинов Д. Г. О сельскохозяйственных терминах в монгольских языках // Исследования по восточной филологии. М.: Гл. ред. вост. лит., 1974. С. 51-63.
9. Дондокова Н. П. Зоосемические фразеологические единицы бурятского языка: структура, семантика, функции: дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2008. 198 с.
10. Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1965. 188 с.
11. Ковшова М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): дисс. ... к. филол. н. М., 1996. 244 с.
12. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. Изд-е 2-е, стер. М.: Академия, 2004. 202 с.
13. Мунгонов Б. М. Харьялан урдаа Хелгомнай: роман. Улан-Удэ: Буряадай номой хэблэл, 1960. 470 н.
14. Мунгонов Б. М. Хилоч наш бурливый: роман. Улан-Удэ: Буряад үнэн, 2003. 316 с.
15. Национальный корпус бурятского языка (НКБЯ) [Электронный ресурс]. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 25.01.2019).
16. Рупышева Л. Э. Названия растений бурятского языка (флоронимическая лексика). Улан-Удэ: Изд.-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО «ВСГИК», 2016. 189 с.
17. Садыкова А. Г., Мингазова Р. Р. Функционирование фитоморфной метафоры в художественном дискурсе французского и татарского языков [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11366> (дата обращения: 22.05.2019).
18. Содномпилова М. М. Доминантные символы бурятской традиционной культуры: дерево, лес // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2007. Вып. 1. С. 206-220.
19. Тагарова Т. Б. К изучению фразеологических единиц бурятского языка как элементов лингвокультуры // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 246-254.
20. Тагарова Т. Б. Оценка человека в мировидении носителя бурятского языка (на материале фразеологии) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 2 (10). С. 62-68.
21. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
22. Цыденжапов Ш.-Н. Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. Улан-Удэ: Закаменское кн. изд-во, 1992. 143 с.
23. Шмелева Т. В. К проблеме национально-культурной специфики «эталона» сравнения (на материале английского и русского языков) // Этнопсихоллингвистика: монография / отв. ред. и авт. предисл. Ю. А. Сорокин. М.: Наука, 1988. С. 120-124.
24. Guiraud P. Les locutions françaises. P.: Presse universitaires de Paris, 1967. 124 p.
25. Poppe N. N. On some suffixes of plant names in Mongolian // Zentralasiatische Studien. 1981. № 15. S. 383-390.

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF FUNCTIONING OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COMPONENT-PHYTONYM IN THE BURYAT LANGUAGE

Rupysheva Lyudmila Erdemovna, Ph. D. in Philology
East-Siberian State Academy of Culture and Arts, Ulan-Ude
rupysheva71@mail.ru

The article analyses the Buryat phraseological units with the component-phytonym with a view to identify their national and cultural specificity. It is shown that these phraseological units differ in their structure and expressiveness. Special attention is paid to their evaluative connotation, which represents social stereotypes and human behavioural models, values, ethical norms, everyday wisdom. Phraseology accumulates valuable and peculiar information about national culture and mentality.

Key words and phrases: Buryat language; component-phytonym; national and cultural specificity of phraseological unit; model image; phraseological unit.